

УДК 343.9.018+314.8.061

П. П. СЕРДЮК

Павел Павлович Сердюк, доктор юридических наук, доцент, профессор Национальной академии прокуратуры Украины

УРБАНИЗАЦИЯ КАК КОРРЕЛЯТ ПРЕСТУПНОСТИ

Этому вопросу уже немало лет. Спрашивается, а нужно ли к нему возвращаться, ведь ряд исследователей – К. Т. Ростов¹, Д. В. Федоренко², В. И. Шакун³ уже вколотили в него «гвозди по шляпку»? Они утверждали, что урбанизация в сопровождении с плотностью населения и социально-психологическими изменениями последнего, и плотность населения сами по себе играют заметную роль в количественных показателях преступности. Причём нужно отметить, что Д. В. Федоренко повторил выводы К. Т. Ростова о наличии корреляции между плотностью населения и уровнем преступности, не прибегая к перепроверке его выводов, а это следовало бы сделать. Мои исследования показывают, что скепсис относительно такого вывода не лишен оснований, поскольку, на поверку, он основывается, по сути, только на давнишнем утверждении М. Н. Гернета о социально-психологической роли городского уклада жизни⁴, но проверка исходя из количественных методов исследования, оставляет только это умозрительное утверждение. Будучи умозрительным, оно представляет собой довольно блёклую теорию, которую нельзя перепроверить наблюдениями, ибо оценочное – «городской уклад жизни» можно растягивать «всяк на свой аршин». Наоборот, хорошие теории можно проверить посредством наблюдения. На эту роль могут претендовать и теория урбанизации, как концентрации большого количества населения в одном населённом пункте, и даже теория плотности населения, которую тоже можно верифицировать.

Посему иной взгляд на этот вопрос даст возможность для верификации таких устоявшихся взглядов. А изменения акцентов в этом вопросе позволит взглянуть на него с большей точностью, поскольку урбанизация и плотность населения сами по себе, без учёта количества населения, не дают достаточных оснований, чтобы утверждать о самостоятельной корреляционной роли урбанизации и увеличении плотности населения для количественных показателей преступности. Собственно, верификация этого вопроса и составляет цель настоящего исследования.

Придавать особое значение роли урбанизации на макроуровне нецелесообразно. Стоит иметь в виду, что расширение городов, конечно же, ведёт к увеличению населения в регионе именно в городах, а раз так, то в этом вопросе имеет преимущество проблема количества и плотности населения. Есть утверждение, что с увеличением степени урбанизации региона возрастает доля совершаемых в них преступлений, причём в больших городах сравнительно выше показатель, чем в меньших или малых городах. Однако степень регистрации преступлений находится в зависимости от степени возрастания урбанизации региона только в крупных городах, насчитывающих более 500 000 жителей⁵. Это не совсем так. Чем больше население, тем больше совершаемых преступлений, но корреляция, с учётом наличия латентных преступлений, в большей степени заметна в крупных городах по сравнению с малыми.

Возможно, урбанизация может играть коррелирующую роль не столько с количеством населения города, сколько с его плотностью? Увы. Но почему это не должно сказываться на показателях преступности? При низких показателях плотности населения внутривидовая конкуренция снижается и рождаемость превышает смертность, а при увеличении плотности происходит наоборот⁶. Означает ли это, что плотность населения и предполагаемая степень внутривидовой конкуренции повлияют, например, на преступность? Плотность населения влияет на все социальные конфликты положительно. Но это положение оспаривают, утверждая, что повышение плотности населения на 1 чел./км² приводит к снижению преступности на 1,82 единиц⁷. Возникает сомнение, а не допустили ли исследователи ошибку в самом подходе? Другой исследователь указывает на наличие обратной зависимости между плотностью населения и преступностью, то есть чем выше плотность населения, тем ниже преступность, и наоборот, чем меньше плотность населения, тем выше преступность. Пояснение этому исследователь видит в том, что показатель плотности населения коррелирует с показателем уровня жизни – денежных доходов. Различная плотность населения в регионах способствует

дифференцированному поведению людей в одних и тех же ситуациях. Они связаны, прежде всего, с добытием необходимых для существования средств, разрешением социальных конфликтов, социальной отчужденностью⁸. Но в таком случае преступность не следовало бы относить к социально конфликтному поведению, коль скоро плотность населения имеет обратную связь с преступностью. Хотя авторы и утверждали, что применяли кластерный анализ, достоверность их выводов вызывает сомнения, но не следует ожидать, что корреляция между плотностью населения и текущей преступностью будет всегда срабатывать. Данные моего исследования свидетельствуют о том, что большая или меньшая плотность человеческого населения прямо не влияет на зарегистрированную преступность. Она может быть выше в редконаселенных городах и ниже в густонаселенных городах. При этом большую важность имеет именно само количество населения во влиянии на показатели преступности, а не плотность населения города. Вероятно то, что не столько плотность влияет на преступность, сколько количество особей в популяции.

В середине и конце 1970-х гг. в СССР об этом вопросе говорили очень уверенно, поскольку без тени сомнения отмечали, что увеличение количества мужчин молодого возраста или повышение плотности населения, к сожалению, без наглядных доказательств, являются условиями, способствующими увеличению количества совершаемых преступлений⁹. И, наоборот, среди значимых факторов влияния на преступность в городах выделяли не количество народонаселения, а более высокую плотность населения по сравнению с меньшими городами или сельской местностью¹⁰. Правда, предоставить эмпирическое подтверждение этой уверенности они не потрудились. Но если для увеличения количества народонаселения можно найти эмпирическое подтверждение, то это, к сожалению, не относится к увеличению плотности населения. И всё же, у современных криминологов утвердилось положение, что повышенная плотность населения, характерная в наибольшей степени городам, является криминогенной «по всеобщему убеждению исследователей»¹¹. Но на чём зиждется такая убежденность? На здравом рассуждении, но не на эмпирических фактах. Иначе нужно было бы учесть, что обычно высокая плотность сопровождается большим количеством населения.

Было и уникальное рассуждение о том, что низкая плотность населения снижает частоту социальных контактов и приводит к ослаблению социального контроля¹². Далеко идущее предположение, если забыть о том, что в городах, особенно крупных, где высокая плотность населения, неформальный социальный контроль, а именно он играет ведущую роль, снижен, но частота социальных контактов высокая, что увеличивает вероятность конфликтов.

Но почему же плотность популяции влияет на внутривидовую агрессию и рождаемость у животных и растений, а у человека – нет? Эта ситуация, в которой плотность населения не демонстрирует увеличения преступности, как известного проявления конфликтов за ресурсы, должна вызывать обоснованные сомнения. Есть искушение парировать старым добрым аргументом о «тёмной цифре» преступности. Однако и «светлая» цифра должна реагировать на этот фактор. По всей видимости, мы столкнулись с загадкой. Тут уместно было бы привести утверждение, что колебания численности человеческого населения не представляют собой строгих, математически чётких циклов. Напротив, они, по-видимому, характеризуются периодом, довольно широко варьирующим вокруг среднего значения. Такую картину и следовало бы ожидать, потому что человеческие общества представляют собой сложные динамические системы, многие части которых перекрестно связаны друг с другом нелинейными обратными связями¹³. Возможно, под такой перекрестный обстрел попала и плотность населения во влиянии на преступность, и очевидные колебания между дисперсией математически ожидаемого количества деликтов и преступлений.

Для правильной оценки влияния плотности народонаселения на число зарегистрированных преступлений нужно сравнивать регионы с одинаковым количеством населения. Поскольку в пределах одной страны найти регионы с одинаковым количеством населения крайне маловероятно, нужно попробовать сравнить регионы с близким количеством населения. Очевидно, что не во всех государствах можно найти такую количественную близость. В тех странах, где регионов больше, есть большая вероятность найти необходимое количество таких регионов.

На примере многих городов различных государств можно убедиться, что не всегда существует корреляция между большей плотностью населения и большим количеством зарегистрированных преступлений в городах с близким количеством населения. Случается, что в городе со значительно более высокой плотностью населения количество зарегистрированных преступлений ощутимо меньше, чем в городе с меньшей плотностью населения. Но во многих случаях, если не в большинстве, происходит наоборот. Правда, количественный перевес зарегистрированных преступлений при таких условиях показывает небольшие расхождения. Часто перевес можно увидеть, когда разница в плотности населения в городах с близким его количеством составляет от 50 % и выше. Вероятно, что не любой перевес по плотности населения может оказывать ощутимое влияние на социально значимые показатели. К тому же, очевидно, что преступность, а посему и её регистрация, подвержена существенным колебаниям, зависящим от многих факторов, но все же остаётся в пределах математически ожидаемого количества и подчиняется дисперсному влиянию. Таким образом, нельзя считать убедительными доводы тех исследователей, которые утверждают, что плотность населения оказывает обратное воздействие на рост зарегистрированных преступлений.

Не следует забывать, что исследователи, делающие вывод об урбанизации как о самостоятельном факторе влияния на количество совершаемых преступлений, часто ошибаются, пользуясь расчётом на 100 000 населения. При этом они игнорируют ведущую роль именно количества городских жителей, но преувеличивают «городские стандарты жизни». Понято, что в сёлах население будет меньше, чем в городах, но не

урбанизация сама по себе влияет на количество преступлений, а увеличивающееся количество жителей в городе. Ведя при этом расчёт, основанный на аналитической единице в 100 000, они теряют связь с картиной влияния количества населения на преступность¹⁴.

Любопытные данные по проблеме дифференциации городской и сельской преступности были приведены в первой трети 1900-х годов. Отмечалось, что меньшие показатели преступности в сельской местности обусловлены культурным фактором, то есть «мирной тишиной» жизни в деревне – старым миром, и динамичностью жизни в новом мире – городе. Эта идея дожила до 1970-х гг., и даже сейчас можно встретить пассажи на эту тему. Но тогда, в 1920-е гг., были приведены данные, демонстрирующие больший индекс преступности на 10 000 населения в некрупных городах, а в столицах, в условиях крупных и особо крупных городов, наоборот, небольшие индексы – 400, 328 преступлений на 10 000 населения соответственно в Москве и Ленинграде, против 3 699 преступлений на 10 000 населения в Усть-Сысольске, 1 547 – Мурманске, 1 431 – Брянске и т.д.¹⁵. Объяснение искали в столкновении старого и нового миров, экономических факторах, войне, голоде, переселении городских жителей, бежавших от голода в деревню. Но я думаю, что причина тут большего масштаба, а именно то, что учёт преступности производился на базе индекса (10 000 населения), дающий возможность разбавить относительно стабильные показатели преступности в те непростые времена в больших городах. В средних и малых же городах индекс оказывался намного ощутимее, поскольку среда для «разбавления» была куда меньше населена, в отличие от больших городов.

Подобные оценки относительно количественных различий городской и сельской преступности, а также преступности больших и малых городов, которые высказывались в 1920-х гг., существуют и сейчас. При этом они исполнены умозрительных доводов и предположений. Признавая, однако, что существует корреляция между величиной города и количественным состоянием в нём преступности, скептики видят корреляцию только в пределах регионов со сходными экономическими и культурными условиями жизни. При этом они отрицают такую корреляцию, когда речь заходит о разных по количеству населения городах с существенно различающимися культурно-экономическими условиями жизни. Например, вы можете увидеть вот такую таблицу (табл. 1).

Таблица 1

Уровень преступности за 1968 год в группах городов с различной численностью населения

Группы городов в зависимости от численности населения, тыс.чел.	Удельный вес группы, %	Уровень преступности, %
От 10 до 20	30,0	100
От 21 до 50	40,7	109
От 51 до 100	17,8	94
От 101 до 200	5,0	90
От 201 и более	6,5	89

В третьем столбце видно, что города с численностью населения от 10 000 до 20 000 человек были взяты за основу, за 100 %. Не трудно заметить, что с увеличением населения, количество которого превышает 50 000 человек, доля преступлений в таких городах снижается по сравнению с базовой группой городов. Вполне очевидно, что удельный вес делинквентов сокращается за счёт эффекта разбавления в более ёмкой по количеству популяции. Но как объяснить падение относительного показателя уровня преступности? В том то и дело. Здесь имеет место именно относительный учёт количества преступлений. Выходит, что исследователь просто взял не абсолютное количество преступлений, которое должно естественно возрастать с увеличением количества народонаселения в городе, а из расчёта коэффициента на 10 000 населения. Таким образом, он дважды учёл количество народонаселения, то есть в делении городов на группы, в зависимости от количества народонаселения, и тут же использовал данные коэффициента на 10 000 населения, как и в предыдущих своих расчётах. Это искажило картину не естественного уравнивания уровня преступности, основываясь на аналитической единице. Но вся ирония в том, что при этом подход дважды использовали аналитическое выравнивание, что поставило под сомнение точность самого результата¹⁶.

Утверждение об отсутствии зависимости между величиной города и уровнем преступности не беспримерно. Вот исследователь, сбивый с толку данными, приходит к выводу, что уровень преступности в крупнейших городах на протяжении длительного времени существенно ниже, чем в крупных городах. Совершенно ясно, что так оно и должно быть, поскольку исследователь использовал относительные данные, то есть коэффициент на 100 000 населения города¹⁷. Понятно же, что в крупнейших городах абсолютное количество зарегистрированных преступлений будет больше, но за счёт огромнейшего населения степень «разбавления» будет выше. Оттого и коэффициент преступности в крупнейших или сверхкрупных городах будет меньше, чем в крупных городах. Это же так очевидно!

Скептик спросит, а почему же тогда не однозначны уровни преступности в большом селе и одинаковом по численности населения рабочем посёлке¹⁸? Этот вопрос, в духе универсализма, очевидно, ожидает ответа, если исследователь столкнется с ситуацией, указанной в вопросе. Подобные случаи могут быть связаны с искажённым отражением преступности в выборке, когда рассматривается конкретный пример. Один или несколько случаев, когда такие населённые пункты показывают значительные расхождения в показате-

лях зареєстрованої преступности, ще не говорить о проблеме на уровне закономерности. Я бы стал строить обобщения на этот счёт только тогда, если бы в половине случаев всех измерений заметил ощутимые расхождения в показателях зареєстрованої преступности при схожем количестве населения. Ошибка скептиков в том, что они ставят этот вопрос, не потрудившись предварительно узнать ответ на другой вопрос: насколько часто такие расхождения являются результатом искажённых данных, и насколько часто они встречаются в мире? Полагаю, что указания на особый уклад жизни в деревне, более отчётливый социальный контроль, чем в таком же по количеству населения рабочем посёлке, умозрительны, а посему – вздорны. Количество населения играет принципиальную роль в социальном взаимодействии. Вот почему, например, приматы не могут жить большими племенами, поскольку способности их головного мозга ограничены в том, чтобы реализовывать эволюционно стабильную стратегию социальной жизни, к которой они привыкли. Их мозг должен запоминать всех особей племени, чтобы иметь возможность успешно принимать участие в социальном контроле. Люди же, строя огромные популяции проживающих в одном ареале обитания особей, имеют хоть и гораздо более мощный мозг, однако же, тоже ограничены в том, чтобы принимать участие в широкомасштабном социальном контроле. Посему, и существует такая мегаструктура, как государство, имеющая значительно более скромные возможности в непосредственном взаимодействии со всеми особями популяции, но действующая по иному сценарию.

Что можно заключить из всего вышеуказанного? Очевидно, что умозрительная теория о городском укладе жизни, как корреляте преступности, не получила эмпирического подтверждения. Напротив, нужно отметить, что выводы делались на основе сомнительных методов подсчёта, используя аналитические единицы, которые не учитывают роль количества народонаселения. Для пущего убеждения нужно подчеркнуть, что в нашем распоряжении есть математические доказательства того, что не урбанизация, как таковая, и не плотность населения играют роль коррелята преступности, а количество народонаселения. Показатели же большего числа зареєстрованных преступлений в городах с высокой степенью урбанизации связаны не с ней, а с большим количеством населения.

¹ Ростов К. Т. Геокриминогенная обстановка в Санкт-Петербурге и Ленинградской области : автореф. дис. ... канд. географ. наук : спец. 11.00.02 / Константин Тимофеевич Ростов ; Санкт-Петербург. гос. ун-т. – СПб., 1994. – С. 9.

² Федоренко Д. В. Геокриминогенная обстановка в особо крупном промышленном городе (на основе статистических данных по городу Донецку) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.08 / Дмитрий Витальевич Федоренко ; Донецкий институт внутренних дел при Донецком национальном университете. – Донецк, 2000. – С. 19.

³ Шакур В. І. Урбанізація і злочинність в Україні : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : спец. 12.00.08 / Василь Іванович Шакур ; Національна юрид. акад. імені Ярослава Мудрого. – Х., 1996. – С. 16–19.

⁴ Гернет М. Н. Статистика городской и сельской преступности / Михаил Николаевич Гернет // Проблемы преступности : сборник ; под ред. членов института Е. Ширвиндта, Ф. Трасковича и М. Гернета ; Государственный институт по изучению преступника и преступности. – М.-Л. : Государственное издательство, 1927. – Вып. 2. – С. 16.

⁵ Kury H. Zur Messung der Kriminalitätsbelastung / Helmut Kury, Joachim Obergeffell-Fuchs // Kriminalistik. – 1998. – No. 52 (10). – S. 624, 627.

⁶ Бигон М. Экология. Особи, популяции и сообщества : в 2 т. ; пер. с англ. / [М. Бигон, Дж. Харпер, К. Таунсенд]. – М. : Мир, 1989. – Т. 1. – С. 290–293.

⁷ Ведяхин В. М. Многофакторный регрессионный анализ причин территориальной дифференциации преступности / Владимир Михайлович Ведяхин, Валерий Михайлович Рябцев // Государство и право. – 2000. – № 7. – С. 49, 51.

⁸ Токарев Ю. А. Методология статистического исследования территориальной дифференциации преступности в Российской Федерации и ее факторов : дис. ... канд. экон. наук : спец. 08.00.11 / Юрий Алексеевич Токарев ; Самарская государственная экономическая академия. – Самара, 1999. – С. 126.

⁹ Бабаев М. М. Демографические процессы и проблемы территориальных различий преступности / Михаил Матвеевич Бабаев // Вопросы борьбы с преступностью : сб. статей ; ред. колл.: К. Ф. Скворцов (и.о. отв. редактора), Д. Л. Гладилин, В. И. Курляндский и др. – М. : Юрид. лит., 1974. – Вып. 21. – С. 8, 10.

¹⁰ Сыров А. П. Об особенностях комплексного планирования профилактики преступности в крупном и особо крупном городе / Антон Павлович Сыров // Методологические и методические вопросы изучения и профилактики преступности в крупных городах : сб. науч. трудов ; ред. колл.: В. К. Звирбуль, Г. М. Миньковский (отв. ред.), С. Б. Алимов, Л. А. Волошина, В. Д. Ермаков. – М. : Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1979. – С. 26, 31.

¹¹ Черныш А. М. Маргиналы и маргинальная преступность в Украине : моногр. / Алексей Михайлович Черныш, Марина Алексеевна Черныш. – Одесса : Изд-во Украинской академии наук «VIP», 2004. – С. 271.

¹² Кулапина Т. И. Некоторые вопросы методики регионального исследования отклоняющегося поведения населения / Татьяна Ивановна Кулапина // Теоретические проблемы изучения территориальных различий преступности. Труды про криминологии : Учёные записки Тартуского государственного университета. – Тарту, 1985. – Вып. 725. – С. 76.

¹³ Turchin P. Long-term population cycles in human societies / Peter V. Turchin // The Year in Ecology and Conservation Biology, 2009 // Annals of the New York Academy of Sciences. – 2009. – Vol. 1162. – P. 15.

¹⁴ Скабара Р. М. Суспільно-географічні аспекти злочинності (на матеріалах Львівської області) : автореф. дис. ... канд. географ. наук : спец. 11.00.02 / Роман Михайлович Скабара ; Львівський національний університет імені Івана Франка. – Л., 2003. – С. 6.

¹⁵ Гернет М. Вказана праця; Государственный институт по изучению преступника и преступности. – М.-Л. : Государственное издательство, 1927. – Вып. второй. – С. 16.

¹⁶ Овчинский С. С. Преступное насилие. Преступность в городах / Семён Самуилович Овчинский ; сост. и вступ. ст. А. С. Овчинского и В. С. Овчинского. – М. : ИНФРА-М, 2007. – С. 283.

¹⁷ Гишинский Я. Методологические проблемы исследования территориальных различий преступности / Яков Ильич Гишинский // Теоретические проблемы изучения территориальных различий преступности. Труды по криминологии : Учёные записки Тартуского государственного университета. – Тарту, 1985. – Вып. 725. – С. 32.

¹⁸ Криминология: приглашение к дискуссии : моногр. / авт. кол.: Александр Владимирович Баляба, Элеонора Владимировна Виленская, Эдуард Алексеевич Дидоренко, Борис Григорьевич Розовский. – Луганск : РИО ЛИВД, 2000. – С. 204.

Резюме

Сердюк П. П. Урбанизация как коррелят преступности.

В статье рассматривается теория урбанизации как коррелята преступности. Отмечено, что в таком значении её воспринимают в контексте увеличения плотности населения и установления «городского уклада жизни». На основе количественных исследований в статье сделан вывод, что не урбанизация, как таковая, и увеличение в связи с ней плотности населения являются коррелятами преступности, а увеличение количества населения является таким коррелятом.

Ключевые слова: количество населения, коррелят, плотность населения, преступность, урбанизация.

Резюме

Сердюк П. П. Урбанізація як корелят злочинності.

У статті розглядається теорія урбанізації як корелята злочинності. Зазначено, що в такому значенні її сприймають у контексті збільшення густоти населення та встановленні «міського укладу життя». На основі кількісних досліджень у статті зроблено висновок, що не урбанізація як така, і збільшення у зв'язку з нею густоти населення, є корелятами злочинності, а збільшення кількості населення є таким корелятом.

Ключові слова: кількість населення, корелят, густина населення, злочинність, урбанізація.

Summary

Serdiuk P. Urbanization as a correlate of crime.

The article deals with the theory of urbanization as a correlate of crime. It is note that in this sense it perceived in the context of increasing population density and the establishment of “urban lifestyle”. On the basis of quantitative research article concludes that urbanization is not as such and the increase in connection with the population density are the correlates of crime, but increase the number of population is such a correlate.

Key words: number of people, correlate, the density of population, crime, urbanization.

УДК 343.213.5

Р. Ш. БАБАНЛИ

Расім Шагінович Бабанли, кандидат юридичних наук, начальник науково-експертного управління Вищого спеціалізованого суду України з розгляду цивільних і кримінальних справ

ІСТОРИЧНИЙ РОЗВИТОК ПОЛОЖЕНЬ ПРО ЗАБОРОНУ ЗВОРОТНОЇ ДІЇ КРИМІНАЛЬНОГО ЗАКОНУ В ЧАСІ

Питання темпоральної дії нормативно-правових актів набувають особливої актуальності в сучасний період відчутних змін законодавства, нових підходів до правотворення та правозастосування, трансформаційних процесів у суспільстві та державі. За таких умов правила дії закону в часі мають бути непохитною основою, яка забезпечує дотримання основоположних прав людини та унеможливує нехтування такими правами.

Різним аспектам історичного розвитку положень про заборону зворотної дії кримінального закону в часі приділяли увагу у своїх працях такі вчені, як Р. М. Абрамович, Ю. В. Баулін, М. І. Блум, Я. М. Брайнін, С. В. Будзінський, В. О. Гацелюк, М. Д. Дурманов, М. Г. Решняк, М. С. Таганцев, А. А. Тіллі, Є. Н. Трікоз, С. В. Познишев, Ю. А. Пономаренко, М. П. Чубинський, М. Д. Шаргородський та інші вчені, однак з огляду на те, що з'ясування тенденцій історичного розвитку положень про заборону зворотної дії кримінального закону в часі має істотне значення для встановлення його правової природи, аналізоване у цій статті питання не втрачає своєї актуальності.

Традиційно пошук історичних свідчень про розвиток правових категорій, а особливо тих, які мають принципове значення для відповідної галузі права, слід розпочинати із пам'яток римського права. Адже у них закріплено витоки застосування положення про дію кримінально-правової норми у часі, як правового явища.